

АНАТОЛИЙ
ГАЛКИН

ПОЛОСА ПРИБОЯ

**МЕСТО
ПОД СОЛНЦЕМ**

Место под солнцем

Анатолий Галкин

Полоса прибоя

«Автор»

Галкин А.

Полоса прибоя / А. Галкин — «Автор», — (Место под солнцем)

События начинаются в Крыму в 1920 году. Белая армия готовится оставить Севастополь. Среди действующих лиц – Александр Вертинский, барон Врангель, генерал Слащев... Так получилось, что при наступлении красных князь Яблонский прячет в горах сокровища из своего дворца возле Массандры. В наши дни в Киеве умирает сын Яблонского и передает тайну своему внуку. Но случайно о кладе узнают несколько лиц. И все они едут в Ливадию. И все поселяются в одной гостинице... А московский адвокат Ольга Крутова с мужем Денисом едут туда же в свадебное путешествие. И вот в Ливадии начинает твориться что-то странное и страшное. Убийства следуют одно за другим!.. Местный следователь хватается и терзает всех подряд. Угроза нависла над Ольгой и Денисом...

© Галкин А.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Галкин

Полоса прибоья

Глава 1

Стук колес поезда – очень приятная штука. Особенно после такого суматошного дня... Это для Ванды – свадьба вполне привычное дело. А для Ольги с Денисом – оно в первый раз.

Поезд отошел в одиннадцать вечера. Гости, вероятно, еще продолжают гулять, а у них уже началось свадебное путешествие.

Денис не хвастался, когда обещал, что вагон будет супер-люкс. Со стороны платформы все было обычно, а внутри все стены в красном дереве, и в коридоре всего четыре двери. Это не считая первых, где проводники... Четыре купе на весь вагон. А значит пассажиров не пятьдесят четыре, как в плацкартном. Не тридцать два, как в купейном. Не шестнадцать, как в мягком под названием «СВ». Вся эта роскошь для восьми пассажиров.

Войдя в свое купе, Оленька продолжала удивляться... Хорошо быть богатым! В сдвоенном купе, напоминавшем гостиничный номер, были все удобства, включая душ и холодильник. Все маленькое, но все было.

И места Денис выбрал правильно, в центре вагона. У них купе номер два, а у Ванды со Славой – номер три. Прямо за стеночкой...

Весь сегодняшний день был для Ольги сказкой... Многие девушки не согласны с этим, но однозначно, что у них всех на генетическом уровне между «родиться» и «умереть» записаны два важных задания – найти мужа и родить детей.

Последние десять дней все окружающие замечали, что глаза у Оленьки светились счастьем. А она даже и не пыталась это скрыть. А чего ей не радоваться – она полюбила именно того, кто полюбил ее. Все очень удачно сложилось... Теперь надо скорее рожать детей. Пора бросить свое адвокатство и жить только семьей. По характеру она совсем не Каменская, для которой трупы важнее родного мужа.

От предчувствия счастья у нее кружилась голова. Как хорошо, что теперь у нее есть своя семья. Пока маленькая, пока из двух человек, но это временно. Не боги горшки обжигают! А двадцать восемь лет – самое время для этого дела...

Колеса стучали спокойно, убеждая, что она права, что муж ее самый лучший, что завтра будет Крым, а послезавтра они увидят теплое море. И нырнут в него... Никто не предполагал, что на Южном берегу с ними может случиться что-то ужасное...

Свадебный день был счастливым, суматошным и очень утомительным... Хорошо, что в этом шикарном купе можно разложить большую кровать и спать рядышком. Ей так не хотелось отделяться от Дениса даже на метр...

Их разбудил пограничный контроль с трезубцами на фуражках. В этих богатых вагонах хлопцы ведут себя вежливо, но и чаевые берут побольше...

Оленька подумала, что совсем не знает характер Дениса... Знает, но очень плохо. А когда ей было его узнать? Они виделись нечасто и накоротке... Во время первой встречи произошло ее падение – она свалилась прямо на руки Дениса... Потом были свидания в тюрьме. Затем – в запертом кабинете следователя Крюкова. А дальше – последние десять дней, включая поездку в Правдинск.

Все это не так мало, но пуда соли она с Денисом точно не съела. Маленькая солонка – не больше!

Оленька лежала и смотрела, как лихо ее муж откупается от украинских пограничников.

Когда она произнесла слово «муж», с ней опять случился приступ счастья. Слово оказалось таким сладким, таким гордым, таким основательным... Теперь вся ее жизнь совсем не такая, как была вчера. Теперь она не просто так, а замужняя женщина.

Денис запер дверь, распахнул руки и начал угрожающе надвигаться на молодую жену. Огромное купе позволяло делать такие маневры.

В его лице тоже было счастье. Настоящее! Такое невозможно сыграть... А еще в его глазах была доброта и покровительство. Раз она вышла за него, значит он ее защитник.

– Оленька, ты знаешь, кто это был?

– Пограничники?

– Нет! Пограничники с нашей стороны остались. А это прикордонники.

– Смешно. Наши по границе ходят, а эти при кордоне сидят.

– Здесь еще много будет смешного. А еще больше грустного... Знаешь, Ольга, как они на тебя смотрели?

– Как?

– С вожделием! Это такая мужская зависть... Ты самая красивая, но моя. А им кукиш с маслом!

– Не такая уж я красивая.

– Цены ты себе не знаешь! Ты, Ольга, самая красивая. И самая скромная. И самая умная... И самая эротичная.

– А это откуда у меня взялось?

– От природы.

Поезд дернулся и медленно начал набирать обороты, чуть раскачиваясь и постукивая колесами.

Денис лег рядом с женой, осторожно обнял и прижался. Он делал все ласково, нежно и не торопясь... А куда торопиться? До следующей станции два часа.

Они ехали где-то в районе Киева. Не через него, не рядом, но на этом уровне. Где-то у края Украины...

Они не знали, что вчера вечером в столице самостийной державы произошло событие, которое резко ударит по их судьбе. И не только по их, а и по Ванде Горбовской, и особенно по ее пятому мужу – по молоденькому Славе Зуйко.

Собственно говоря, вчера вечером в Киеве произошло не одно событие, а целая цепочка событий.

* * *

Прошедший вечер выдался в Киеве очень душным. Не было так уж жарко, но воздух стоял неподвижно, и любому физическому лицу не хотелось двигаться.

Не хочется – не надо! Обычно эту простую истину актер Душкин выполнял неукоснительно. Потому и добился таких успехов к своим тридцати годам.

На всех уровнях его считали известным артистом, популярным и даже немножко гениальным... Но сам он оценивал себя трезво. Он четко знал своих благодетелей. Знал – кто двигает его по жизни и за что...

Меценатов у Душкина было несколько и все они совершенно разного плана и разного пола.

Сегодня в своей квартире его ждала Оксана Викторовна. Она во всех смыслах женщина положительная, приятная, уютная и страстная. Все хорошо, но ее возраст несколько превышал разумные нормы. У Душкина с Оксаной была разница, как у Филиппа с Аллой. Это уж слишком!

Конечно Оксана Кулябко не была примадонной, но муж у нее был депутатом Рады со всеми вытекающими последствиями... А еще этот козел считал себя поклонником таланта Руслана Душкина.

Легкий грим скрывал узнаваемое лицо... Руслан шел к дому на Владимирской горке зигзагами. Через скверы, рощи и стоянки.

Душный вечер заставил Душкина присесть на скамейке под каштаном.

В метре от него прямо за кустом желтой акации находилась другая лавка. На ней сидела парочка, обсуждавшая вопросы совсем не любовные и не душещипательные.

Мужчина был значительно старше своей партнерши. Он уговаривал девушку, убеждая ее, что работа пустяковая, а игра стоит свеч. И овчинка стоит выделки.

Они говорили так долго и нудно, что даже Руслан все понял. Разговор вели маклеры, которые хотели купить дорогую квартиру в здешних местах... Некий одинокий старик имел шикарную трешку в старом доме. Он уже был на пороге и собирался завещать свои хоромы внуку.

Маклеры заранее повязали этого парня, отдав ему под расписку крупную сумму американских тугриков.

Сегодня в одиннадцать вечера умирающий дед приглашал внука Артема для решительного разговора.

Так вот, старший маклер хотел, чтоб девица, которая откликнулась на имя Галя, чтоб она надела белый халат и под видом медсестры проникла к старику. Проникла и оставила под кроватью диктофон... Артем – он тридцатилетний оболтус. Парень простой, как лапоть, и именно поэтому его надо контролировать. Доверяй, но проверяй!

В десять вечера пара снялась и пошла к тому же дому, где жила великовозрастная любовница Душкина. Девушка Галя на ходу накинула белый халат, а напарник по имени Алексей передал ей чемоданчик с красным крестом на боку.

Актер тоже встал и пошел за ними... Вот он дом с атлантами, вот она дорогая дверь с домофоном.

Старший маклер куда-то слинял, а «медсестра» прошла в тот самый подъезд, рядом с которым два каменных мужика держали на себе громадину балкона.

Руслан не стал останавливаться и тоже вошел... Ложная медсестра стояла на втором этаже у квартиры номер четыре... Артист прошел на третий и позвонил в седьмую квартиру. Он успел заметить, что его Оксана живет как раз над тем умирающим стариком, у которого внук Артем...

Мадам Кулябко ждала этой встречи весь день. Она втащила Душкина в холл и сразу впиалась в него губами... При всей своей страсти жена депутата не была полной дурой. Она не стала раздевать Русланчика прямо у порога, а занялась его разоблачением в спальне около балкона. И вещи его она не бросала вокруг да около, а аккуратно складывала в огромный пакет... Это на всякий случай. Это удобно для быстрой и полной эвакуации.

Сама она скромно развязала поясок на китайском халате.

Душкин и, правда, был не самым плохим актером. Он умело изображал страсть, а сам был печален и думал о вечном... В нижней квартире, в трех метрах под ними происходила трагедия. Где-то там пряталась жуликоватая Галина с диктофоном, а алчный внук пришел к умирающему старику... Это драма шекспировского масштаба, а тут работай в такую духоту!

В самый интересный момент произошла анекдотическая ситуация – у входной двери раздался звонок. Любовница резко подалась наверх и сбросила Душкина на пол.

Она решительно запахнула халат и произнесла страшные слова: «Муж пришел»!

Руслан сразу все понял. Это пришел не просто муж, а депутат Рады Евгений Кулябко. Если он захочет, то артисту Душкину нигде и никогда не дадут никакой роли. Ему не сыграть даже тень отца Гамлета...

Прикрываясь пакетом с вещами, лицедей позорно бежал на балкон, а пышная Оксана мгновенно поправила постель, пригладила прическу и, виляя бедрами, пошла открывать дверь: «Иду, мой милый. Спешу к тебе, мой птенчик»!

По плану эвакуации за две минуты, пока мадам Кулябко раздевает своего пупсика, Руслан был обязан спуститься вниз, держась за атлантов и куций виноград вдоль стены.

В сумасшедшем порыве он слетел на балкон второго этажа. Дальше для него дороги не было! Артист не успел одеться, а под балконом стояла машина депутата Рады с шофером, который знал его, как облупленного... Душкин присел, прислонясь к дверному косяку, и тихонько завыл.

Эта поза оказалась на редкость удобной. Он слышал все, что происходило в квартире умирающего старика... А разговор только начинался.

Старческий голос был еще крепок. Возможно потому, что рядом с ним находилась медицинская сестра. Но не та шустрая Галина, а вполне нормальная дородная женщина с уколами и капельницей.

– Слушай, внук, ты должен знать, что мы с тобой родовитые князья.

– Это как это?

– А вот так... В двадцатом году мой отец был полковником у Врангеля. Князь Яблонский Дмитрий Николаевич.

– Дед, а почему ты Комар? И я – Комар.

– Так получилось, Артем. Отцу пришлось сменить фамилию. Он взял документы убитого красноармейца.

– Кем убитого?

– Неважно... Помни только, что ты князь. И что отец спрятал в Крыму сокровища – побольше, чем денег у Порошенко... На столе в синей папке план подхода к пещере. Она в горах над Ливадией... Это все наше с тобой.

– Дед, а квартира?

– Эту квартиру я отписал Совету ветеранов... Зачем тебе это старье. Ты теперь во дворцах будешь жить...

Очевидно, что в комнате что-то изменилось. Медсестра говорила тихо, отрывисто и зло... Она что-то пыталась сделать, но через четверть часа сдалась:

– Сейчас уже поздно. Завтра утром позвоните в поликлинику. Пусть приедут и констатируют смерть... Я – частная сиделка. Обо мне можно и не говорить.

– А если спросят? У него же следы от укусов и прочее...

– Тогда скажите, что здесь бывала Вера Хохлова. Назовите им мой адрес на Подоле... И вообще, Артем – делай, что хочешь! Ты и так мне всю жизнь поломал...

И она ушла, громко хлопнув дверью.

А вскоре, схватив синюю папку с тряпичными тесемками, из квартиры выскочил внук покойного – Артем Комар, который только что узнал, что он есть князь Яблонский...

Сидеть на балконе в двух метрах от трупа было боязно... Душкин привстал и начал надевать штаны.

Именно в этот важный момент сверху донесся скрипучий голосок депутата Кулябко:

– Иди сюда, Оксаночка. Ты посмотри, как чуден Днепр, как он под луной блестит. И вообще – тиха украинская ночь... Нет, я не актер! Это нашему Душкину надо организовать роль, чтоб на всю страну прогремела... Кстати, я его вместе с нами в Крым пригласил. И номер в гостинице заказал... Руслан будет рядом с нами жить. Ты не против, рыбка моя?

Депутат ушел с балкона, и Душкин не услышал, что ответила рыбка. Или промолчала и только хвостиком вильнула.

Была почти полночь и на третьем этаже все затихло... Развернулась и уехала депутатская машина.

Руслан продолжил натягивать брюки, но вдруг зажегся свет в большей комнате, где только что умер князь Яблонский, проживший жизнь под вредной фамилией Комар.

В просвет балконной двери было видно, что в комнату вошли двое. В руках маклера Алексея Баторина блестели отмычки, а молоденькая Галя Шустрова все еще была в белом халате. Она подскочила к книжной полке у изголовья покойного, схватила диктофон и попятилась к двери.

Баторин перекрестился и тоже начал пятиться, хотя глазки бегали по шкафам и по стенам, где висели картины непонятных авторов...

Свет погас, и Руслан почти на ощупь натягивал носки и кроссовки. Он чувствовал, что сейчас эта пара жуликов слушает где-нибудь диктофон. Вот сейчас они узнают, что квартира завещана каким-то ветеранам.

Душкин даже ехидно засмеялся – дырку от бублика вы получите, а не квартиру! Не выйдет обобрать старого князя...

И вдруг Руслан понял, что вначале они услышат о кладе, о богатстве в миллиарды баксов... Он встал и начал, начал надевать рубашку, но у него закружилась голова... Наверное, к перемене погоды.

* * *

Когда Ванда вспомнила, что Слава моложе ее. Ей вдруг стало тревожно и печально. Слезы сами полились, невзирая на польскую гордость.

– Славик, ты не бросай меня, пожалуйста. Я знаю, что я вздорная, что я старая...

Зуйко был хорошим парнем, но не очень опытным в таких делах. Он совершенно не умел успокаивать плачущих женщин.

– Ты не бросай меня, Слава. Я буду стараться. Я стану самой доброй, самой ласковой, самой красивой... Я никого до тебя не любила.

– А как же прежние мужья?

– С ними я расставалась без всякого сожаления. А тебя – очень боюсь потерять.

– Никуда я не денусь. Я – однолюб.

– Хорошо, если так... Славик, я вчера в загсе огромную глупость совершила. Попросила сохранить свою фамилию. А я не хочу больше быть Горбовской. Я до конца жизни хочу быть Зуйко... Я люблю тебя.

На последней фразе Ванда просто в голос заревела... В дверь начали стучать, и Слава увидел в этом свое спасение. Он бросился открывать – на пороге стояла Ольга. Она в секунду поняла ситуацию и вытолкала молодого мужа в коридор.

– Иди отсюда! Готовьте с Денисом банкет. Мы скоро успокоимся и придем праздновать наши свадьбы... Да, иди же отсюда!

Колеса стучали монотонно – Каховка, Каховка, родная винтовка... За окнами рощи акаций и редкие свечки пирамидальных тополей. А чаще – голая степь.

Поезд приближался к Крыму. Южный берег – просто рай. Мечта молодоженов – лучшее место для медового месяца... Правда, не все мечты сбываются.

* * *

За свою жизнь медсестра Вера Хохлова видела много смертей, но почти не знала добра и счастья... Она приехала в Киев из маленького местечка. Долго училась на операционную медсестру, а работать пришлось дежурной в хирургическом корпусе.

Постоянные ночные вахты и постоянные пристаивания мужчин с забинтованными конечностями... Она никому не давала повода, но ее пышные формы привлекали сами по себе.

Больничные знакомства были ей противны, а других не случалось. До Артема Комара у нее вообще никого не было.

Хохлова много лет снимала комнатку на Подоле. Там она читала книжки про любовь, сама себе шила, стирала в корыте, ходила в баню... Жила, как умела.

Иногда она злилась на Артема, но деньги он платил регулярно. За последний месяц она должна была получить в день смерти старика – не получила! Сама виновата, нервишки сдали...

Утром Вера позвонила Артему и через час встретила с ним.

Младший Комар изменился за эту ночь. Исчезла сутулость и во взгляде появилось что-то благородное, что-то княжеское... Ему было очень важно узнать, запомнила ли Верка слова деда о кладе. Она, конечно, все слышала, но могла не врубиться. В одно ухо влетело, а в другое вылетело.

Деньги он отдал сразу. И даже больше, чем обещал. Это не позволило ей сразу уйти. Пришлось вести светскую беседу.

– Я, Вера, не буду сразу деда хоронить. Надо всех его друзей найти и вообще...

– Да, так иногда делают. Трупы в морге месяцами лежат.

– А я, Вера, решил завтра в Крым поехать. Ты там была когда-нибудь? Ты о Ливадии слышала?

– Нет... Это залив? Или гора?

– Нет, это царский дворец.

– Ой, Артем, так ты во дворце будешь жить?

– Нет, конечно... При дворце большой поселок. Старинные каменные дома, где жили приближенные царя. А теперь там гостиницы.

– И туда всех пускают?

– Не всех... Я зашел сегодня к соседу, к депутату Кулябко, и он устроил мне номер в гостинице Стручер. Он и сам туда едет.

– Странное название у отеля... А депутата я знаю. Он на третьем этаже живет.

Они еще о чем-то поболтали. В конце концов Артем сделал вывод, что глупая Вера забыла о словах деда, о кладе, о синей папке... Правда, она сказала, что хочет побывать в Крыму, но это нормально... Потом она сказала, что накопила денег на отдых, что думала махнуть в Турцию, но решила – Крым лучше. Ей захотелось в Ливадию, в отель с волшебным названием Стручер... Артем воспринял все это как глупую шутку. Он ценил Веру Хохлову, но вовсе не за ее ум. Дура-баба!

После расставания с новым князем Яблонским медсестра направилась к дому, где атланты держат балконы на каменных руках... Третий этаж. А вот она квартира номер семь.

В такое время депутаты Рады дома не бывают. В последний день перед отпуском Евгений Кулябко работал на всю катушку... А его жена изнывала от отсутствия любви и счастья.

Уже с первых слов Оксана сообразила, что пухлая медсестра – подарок судьбы. Можно сочинить историю, что она тайная подруга Руслана Душкина, а это все запутает и отвлечет

внимание от нее самой... Еще можно эту аппетитную простушку направить на мужа, а потом его этим укорять... Разные могут быть варианты!

– Хорошо, дорогая... Ты позвони мне, Вера, через три часа. Я сделаю тебе номер в гостинице Стручер. Но только однокомнатный. На большее у тебя денег не хватит.

* * *

Ольге жалко было покидать вагон. Он был удобный, уютный, шикарный. Здесь она чувствовала себя королевой. Но была еще одна причина – самая главная... В свое купе они попали с Денисом прямо со свадебного пира. Если формально, то здесь прошла ее первая брачная ночь.

Нет, понятно, что они начали это дело несколько раньше. Тогда все было замечательно, но как-то незаконно, нелегально. И только здесь в этом шикарном купе ее душа успокоилась... Обидно, что уже этой ночью на их брачной постели будут лежать другие. И не факт, что это будут хорошие люди.

Оленька решила рассказать об этом Денису. Вот интересно, волнует его это, или ему совсем наплевать... Она же совсем не знает своего мужа. Только и видит, что у него глаза добрые. Такие глаза, которые никогда не предадут и не обманут.

* * *

На первый взгляд это была странная пара – и не муж с женой, и не брат с сестрой. Просто два маклера случайно столкнулись на одной из сделок и поняли, что в работе они изумительно дополняют друг друга.

Алексей Баторин – красавиц мужчина на сорок пять лет. Он излучал простодушие и доверие, его честные глаза брали в плен любого. Это смесь Чичикова и Хлестакова. Даже лучше!

Галя Шустрова изображала девушку серьезную, деловую, вдумчивую. Если клиента не устраивал легковесный Баторин, то сразу подключалась молодая, но солидная партнерша... Каждый раз это был спектакль! Дуэт с импровизацией...

Запись беседы старика с внуком Артемом они прослушали сразу же. Еще тогда, в полночь... Сразу стало ясно, что квартиру они потеряли. И еще они поняли, что долг в двадцать тысяч баксов Комар отдаст только тогда, когда найдет пещеру с кладом Яблонского... Но почему это он найдет? Да, синяя папка у Артема, но он один, а их двое. Они умнее и шустрее...

На следующий день они встретились с младшим Комаром. Парень оказался не таким уж лохом. Он сочинил трогательную историю о том, что дед завещал ему квартиру, но просил не продавать ее до сорокового дня.

Алексей с Галиной понимающе переглянулись – полтора месяца это нормальный срок для поиска клада. Даже больше, чем нужно.

Баторин широко улыбнулся и попытался уточнить:

– Мы, Артем, о долге твоём совсем не беспокоимся... А эти сорок дней ты отдыхать будешь?

– Да... Думаю в Крым поехать.

– И мы с Галей туда собираемся. Ты где будешь?

– В Ливадии.

– Какая гостиница?

– Отель Стручер.

- Поездом едешь?
- Да. Завтра в десять тридцать пять.
- Вот и мы с Галей постараемся на этот поезд взять билеты... Но давай договоримся. И в дороге, и в Крыму – ты нас не знаешь, а мы тебя. Встречаемся, как совсем незнакомые люди.
- Это игра такая?
- Точно, Артем – это игра на выбывание.

* * *

Денис любил устраивать праздники... В Симферополе их встретила красивая машина и отвезла к Южному берегу. Но не в Ливадию, где была заказана гостиница, а в какой-то дворец над Массандрой. Там их ждал обед с участием царского сервиза. Потом последовала поездка в Артек, катание на белой яхте, купание в открытом море...

После ужина Денис устроил культпоход в подвалы винного завода «Массандра»... Это сказка, даже если просто ходишь мимо старинных пыльных бутылок и больших ароматных бочек. А когда прогулка совмещается с дегустацией – наступает праздник. Фейерверк и карнавал!

Ванда и Слава отправились ночевать в левое крыло дворца. Ольга и Денис разместились с другой стороны.

Это была королевская спальня... По краям высокой кровати – резные деревянные столбы, которые держали атласный навес с бахромой. Кругом бронзовые фигурки, китайский фарфор и прочая музейная старина...

Посреди ночи Оленька встала и вышла на огромный балкон с мраморными вазами по углам.

Далеко внизу море, а на нем серебрилась лунная дорожка. Слева – Гурзуф и темная громадина Медведь-горы. А справа – огни ночной Ялты.

Вероятно, что и сто лет назад все здесь было точно так, как сейчас. И море было, и скалы, и луна. Вот только в этом дворце находился его хозяин – какой-нибудь граф или князь. И жил он здесь до самых большевиков, до осени 1920 года...

Ольга вернулась в спальню и забралась на кровать... Странно, но Денис так и не проснулся. Вот украдут жену, а этот соня будет спать! Завтра надо сделать выговор...

* * *

Вестовой принес депешу из Севастополя, письмо от самого Врангеля...

Князь Яблонский не считал себя полководцем. С верховным главнокомандующим он виделся лишь на совещаниях. А тут – личный пакет.

Дмитрий Николаевич махнул рукой, отпуская вестового, но солдатик стоял и хлопал огромными ресницами. Рот его безмолвно открывался, как у поднятой в лодку рыбы. Это он хотел что-то сказать, но никак не находил слов.

- Ты что, любезный? Свободен! Иди на все четыре стороны.
- Не велено!
- Что – не велено?
- Уходить не велено. Приказано получить ответ.
- Понятно... Подожди, голубчик, внизу. Я тебя с балкона кликну...

Было раннее утро. Яблонский только встал, еще не завтракал и ходил по своей огромной спальне в ярком красном халате.

Ему нравилась эта комната. Темное резное дерево на стенах и потолке. Кровать, по краям которой четыре витых столба, а сверху балдахин с бахромой... Все это было похоже на английский замок в средние века.

Перед самой войной с германцами он венчался с молодой женой. Свадьбу гуляли в Ялте, а сюда приехали в сумерках. Они вдвоем шли по темным коридорам, и он, дурак, пугал Анастасию приведениями.

Она дрожала всем телом и прижималась к нему от страха, забывая, что начинается ее первая брачная ночь... Это было шесть лет назад.

Последнее письмо от Анастасии князь получил месяц назад. На конверте стоял парижский адрес.

Яблонский подошел к бюро и долго выбирал нож для бумаг. Наконец взял любимый – ажурная бронзовая ручка и лезвие из слоновой кости... Письмо было написано вчера. Врангель сам поставил дату – двадцатое октября по европейскому стилю.

Барон сообщал, что произвел Яблонского в чин полковника, поздравлял с этим и просил приехать в Севастополь для получения важного задания.

Вестовой торчал внизу, а князь не любил, когда его ждут. Он сел за откидной столик и быстро написал короткий ответ.

В первых строках он благодарил за производство в чин полковника и обещал оправдать доверие.

Во второй фразе сообщал, что прибудет в Севастополь завтра к вечеру. Приехать раньше не позволяют обстоятельства.

Он, конечно, хитрил. А если точно – врал! Он мог бы через час сесть на коня и к обеду въехать на Малахов курган. Вся дорога – не больше шести часов.

Он мог бы выехать сегодня, но лень! Не хотелось вот так вдруг... Сегодня он позовет портного. Тот поправит форму, приделает к ней полковничьи погоны. Вот только зачем все это?

Красные крепко заперли в Крыму остатки белой армии. Здесь были лучшие офицерские части, много оружия, фуража, но еще больше здесь было беженцев со всей России. Не только князей и баронов, а всех, кто не пролетарии – инженеров, купцов, адвокатов, артистов.

Все эти люди жались поближе к пристаням, где за хорошие деньги их брали на борт турецкие или румынские шхуны... Они спешили. Все ждали, что красные прорвут Перекоп и за два дня займут весь Крым.

Яблонский не стал звать вестового. Он сбросил письмо с балкона и велел мухой лететь к Врангелю... А теперь можно и завтракать.

Вместе с князем за столом сидела женщина, с которой у него были особые отношения... Наталья Николаевна до недавнего времени была практикующим врачом в Киеве. Ее муж два года назад погиб в штабе Лавра Корнилова.

В прошлом году, когда Деникин успешно шел на Москву, Яблонский оказался в Киеве. Плохо залеченная рана на ноге воспалилась, и у него начался жар.

Он бродил по незнакомому городу, боясь упасть где-нибудь в подворотне... Он не помнил, как оказался у двери, на которой была табличка с очень нужным словом «врач».

В комнате пахло лекарствами, а перед ним стояла милая женщина в белом халате. Улыбаясь, она объясняла, что он ошибся, что здесь принимает женский доктор... Перед глазами у князя все поплыло. Он попытался извиниться, но потерял сознание и рухнул у ее ног.

Очнулся он через двое суток. Дмитрий Николаевич лежал в том же «женском» кабинете, но за ширмой и рядом со столиком, на котором стояли чашки, аптечные пузырьки и валялись коробочки с таблетками, резиновые трубки, бинты и салфетки.

Князь попытался сесть и сразу понял, что из одежды у него лишь повязка на ноге... Странно! Он пришел сюда в шинели и в фуражке.

Яблонский тихо сидел, а за ширмой женские голоса обсуждали очень важные вопросы. Он прислушался и сразу покраснел...

У Натальи Николаевны Лариной князь прожил еще месяц. Она перестала принимать пациенток, а он совсем поправился и как-то незаметно перебрался с койки за ширмой в спальню хозяйки.

Они ничего не говорили о своих взаимоотношениях. Они просто жили...

Дмитрию было тридцать два, а Наталье сорок... Его жена уже давно жила в Париже, а ее муж погиб полтора года назад. Они не знали, что будет дальше, но пока им было очень хорошо вместе...

Вскоре Деникину пришлось отступать, и они уехали в Крым.

Яблонский числился в штабе Врангеля, но все знали, что он выздоравливает после ранения и тихо живет в своем замке над Массандрой.

Наташа подала завтрак прямо в спальню. Она тоже была в халате, но в более легком, в шелковом, в таком, который распахивался, когда она вставала и наливала чай.

– Наташенька, ты что-то вчера говорила о Вертинском?

– Я сказала, что он здесь, в Гурзуфе... Вчера я встретила его и пригласила к нам на ужин. Ты не против?

– Конечно, нет... Я люблю Александра Николаевича. Только жалко его очень. Да и всех нас жалко!

– Почему, Дима?

– А потому, что спокойной жизни нам осталось две-три недели. Перед приходом красных все мы побежим... Нет, сначала мы поплывем в Стамбул, а потом будем расползаться по Европе. Кому мы там нужны? Скажи, ты представляешь Вертинского в Париже?

– Ты прав, Дмитрий, но люди везде живут. Человек ко всему привыкает.

Вечером, когда приехал Александр Николаевич, они говорили и о предстоящей катастрофе и о многом другом.

– Я слышал, князь, что винные хранилища в пещерах. А сам завод чуть ниже вашего дворца. Это значит, что и под нами могут быть бочки с мускатом?

– Совершенно верно. Я сверялся с планами их лабиринтов. Двадцать метров вниз – и там винотека со старинными бутылками. Там есть напитки со времен Екатерины.

– И что с этим будет, когда придут они?

– Не знаю, Саша... Большевики – народ озлобленный. Без доброты, без бога в душе. Но с другой стороны – это люди практичные... Продадут всю коллекцию иностранцам и купят красного ситца на скатерти.

Вертинский страшно обрадовался, когда узнал, что князь завтра едет в Севастополь. Певцу посоветовали добраться до Балаклавы. Оттуда маленькие пароходики ежедневно увозили людей в Румынию.

– Я понимаю, Дмитрий Николаевич, что Румыния это не Россия. Но она значительно ближе, чем Лондон или Париж. Подойдешь к Дунаю, а за ним своя земля.

– Это иллюзия, Саша! По мне, так Белград к России ближе – все-таки славяне... Но до Севастополя я вас довезу. Места в бричке хватит. И наговоримся вдоволь.

На заходе солнца они втроем вышли на балкон. За несколько минут до заката и небо, и море, и горы – все искрилось и многократно меняло цвета. Изумительны были осенние виноградники над Гурзуфом, там, где поселок Краснокаменка... Урожай еще не собрали, и весь склон горел разными красками в желтых и бордовых тонах.

Наташа предложила завтра утром поехать в сторону красных виноградников.

– Сейчас самая красота! Листья уже опадают, а грозди еще на ветках. Сумасшедшая крымская осень... Какую землю теряет Россия!

– Не думаю, что мы уходим навсегда... Крым не может не быть российским.

– Так хочется вам верить, Александр Николаевич... Но за вами стихи. Завтра ждем от вас новую песню. Про осень, про все это...

– Для вас, Наташа, я и сейчас могу... Примерно так: «Мадам, уже падают листья. И осень в смертельном бреду. Уже виноградные кисти краснеют на том берегу...». Завтра закончу!

Но завтра утром было не до стихов. Кучер сообщил, что у Байдарских ворот шалют красные бандиты. Чтоб проехать в Севастополь, надо пристроиться к каравану. А значит, выезжать надо в девять утра... Одиной бричкой проехать невозможно. Обязательно нападут, ограбят, а то и к скале поставят. Одно слово – бандиты! Какой с них спрос...

Врангель принял Яблонского не в штабе, а в особняке на Большой Морской. Барон был худ, бледен и выглядел очень усталым. Он знал, что все проиграно и не скрывал этого.

– Как вы думаете, князь, до весны мы продержимся?

– Нет.

– А до Рождества?

– Тоже нет... Скоро у большевиков праздник – третья годовщина переворота в Петрограде.

– Вы думаете, они отпразднуют и начнут штурм.

– Нет, они начнут на день раньше. Им нужен подарок для своих вождей.

Врангель чувствовал, что князь прав... Барон встал и подошел к карте, которую знал наизусть. Вот Перекоп, вот Литовский выступ и полуостров Чонгар – самые опасные места для прорыва... Но все надежно прикрыто и сейчас невозможно взять Крым!.. Плохо то, что там, за Турецким валом тоже русские люди. Там потомки тех, кто штурмовал Измаил и переходил через Альпы. Для них нет ничего невозможного. Все смогут, если захотят!

– Если они начнут пятого или шестого, то у нас, князь, есть почти две недели... Недавно у меня был хозяин Массандровских заводов. Просил вывезти их имущество в Белград, а там он половину пожертвует на борьбу с большевиками.

– Я не понял, барон, какой смысл вывозить бочки с вином? Овчинка выделки не стоит.

– Не об этом речь, полковник. Они использовали винные погреба, как филиал швейцарского банка. Там около трехсот пудов золота. А еще – ювелирные украшения и коллекционное вино. Говорят, что в Париже эти бутылки на вес золота.

– Какова моя задача, барон?

– Завтра утром я дам вам три грузовых машины с механиками и два десятка солдат.

– Лучше юнкеров.

– Хорошо... Возвращайтесь в Массандру. Вместе с казначеем завода перегрузите ценности в машины и осторожно сюда, в Карантинную бухту. Оттуда катером переправим все на «Рюрик» и отплываем... Вы понимаете, Дмитрий Николаевич, что на эти деньги мы не будем воевать. Хватит проливать кровь! Но через месяц в Европе будут десятки тысяч голодных русских семей.

– Я все понял, барон... Я все сделаю.

– Бог вам в помощь, князь... Я очень на вас надеюсь!

Глава 2

Артем Комар имел хорошую квартиру в Киеве. Не в элитном центре, где Софийский собор и Крещатик.

Нет, Артем жил не там. Но и не в новых районах, где вам что Киев, что Париж, что Северное Бутово.

Младший Комар имел квартиру на Бессарабке, рядом со старым рынком. Теперь он мог лишиться и этого жилья. Доллары от маклеров были получены не просто под расписки. Нотариус заверил залог – бессарабская двушка, хозяином которой является Артем Тарасович Комар.

Это было настолько печально, что в ближайший месяц правнук князя Яблонского мог запросто загреметь в бомжи. Добрый дедушка завещал квартиру ветеранам! А ему, родному внуку, оставил мираж в синей папке... Самое грустное, если клад уже нашли. Давно нашли, в какие-нибудь тридцатые годы, когда там над Ливадией стали строить санаторий под красивым названием: «Сибмортрансблин».

Или немцы могли взорвать... Чисто случайно – летел самолетик, сбросил бомбочку, и прадедушкин кладик смешался с крымской землей. Ищи и свищи!

Артем запер за собой дверь, включил свет и бросил синюю папку на стол, где живописно разместились остатки вчерашней трапезы.

Был второй час ночи, но спать было нельзя. Небольшой опыт просмотра детективных фильмов шептал, что злые люди будут охотиться за ним и за синей папкой.

За такие деньги его могут убить! Элементарно! Придут трое с автоматами и начнут стрелять в живот... Сон был на пороге, но ушел, даже не постучавшись.

Комар вспомнил, что у него есть три очень похожие папки – синие, с тесемками, но поновее.

Он решил сделать так – настоящие документы оставить, как есть, и правильную папку пометить крестом. А еще сделать три липовых комплекта. Это будет приманка для дураков.

Три часа у Артема ушло на изготовление фальшивок. Он всяческими способами старил бумагу и наносил на нее ложные цели...

Сочинять было очень сложно... В настоящих документах был состав ценностей, схема и ее описание. Все очень подробно, но были и такие слова: «...в десяти шагах сосна в мой рост с обломанной правой веткой».

Не хило, да? Через сто лет искать сосенку в метр семьдесят пять ростом. Да еще без правой веточки... Правда, там были и более долговечные указатели: валун, похожий на голову Черномора, площадка, с которой видны ялтинский маяк и водопад...

В листочках с перечнем вещей было все понятно. Вероятно, это перевозилось на трех машинах, и на каждую был составлен список ценностей и фамилии сопровождающих. Это выглядело примерно так: «Авто номер пятнадцать. Шофер – Иван Ситников. Охрана – юнкер такой-то, юнкер сякой-то»... Всего по пять юнкеров на каждую машину... Дальше начиналось самое интересное! Золото в слитках – сто пудов на машину. По двадцать чемоданов с коллекционными винами высшего разряда и с документом на каждую бутылку. И еще – в каждой машине по три ящика из категории «Личные вещи хозяев». А в скобочках – бриллианты, иконы, письма, подвенечная фата...

К трем часам ночи Артем взмок. Не от трудов праведных, а от соблазна. Он, наконец, начал понимать, что он потомок князя и наследник всего этого.

В какой-то момент Комар встал и в предраассветной тишине отчетливо произнес: «Я есть князь Артем Тарасович Яблонский!»

К утру Артем завершил работу. Каждая фальшивая папка была маленьким шедевром. В текстах и в схемах он фантазировал, как мог. Комар описывал скалы, похожие на груди, корявые сосны о четырех стволах, расщелину, внутри которой горячий родник...

Артем завел будильник и одну из липовых папок положил на стол, на самое видное место... Завтра он сядет на поезд и поедет в Ливадию, в гостиницу Стручер... Хорошо, что сразу после смерти деда он заглянул к депутату, живущему наверху... Депутат добрый. Он любил деда. Он в один момент помог с отелем... И билет на поезд депутат заказал...

Артем провалился в сон, довольный собой, довольный депутатом Кулябко, довольный синими папками, которые отведут от него нехороших людей...

Спал он недолго. Уже через час кто-то накинул на него подушку и начал бить, стараясь попасть ниже пояса.

Артем выл от боли и обиды... Еще бы не обидно. Какая-то сволочь в шесть утра без объявления войны... И бьет, гадина, в самые нежные места.

Правда, если так тщательно бьет, то значит, что убивать не собирается. И подушкой он придавлен для вида – если кто собрался задушить, то зачем ему бить в самое солнечное сплетение? Логично?

Вскоре Комар прибалдел и отключился. А когда включился, то в квартире было тихо... Он встал и пошел, сгибаясь в три погибели – мужики поймут почему.

В квартире был идеальный порядок. Вернее, беспорядок, но точно тот, который сотворил сам Артем Тарасович... Бандит ничего не тронул, кроме синей папки, которая, как приманка лежала на самом видном месте.

Налетчик вполне мог быть одиночкой. Голосов он не слышал, а бить вполне мог один мужик: правой рукой держа подушку, а левой нанося удары в то место, которое до сих пор ноет.

Голова у Артема светлела постепенно, по мере того, как отпускала боль между ног... А почему он сказал «один мужик». Любая баба и даже хрупкая девушка вполне могла зажать спящего подушкой и бить, бить, бить...

Артем попытался выпрямиться, но ноющая боль, идущая из самого нутра, не позволяла разогнуть спину.

Он доковылял до своей всклокоченной кровати, поправил искусанную подушку и попытался продолжить сон... Сон не шел.

Тогда парень встал, вынул из-под матраца очередную фальшивую папку, положил ее на край стола и тогда все успокоилось – даже если еще кто-нибудь через час заявится – понятен примерный сценарий действий... Только бы били в другое место.

* * *

Депутаты долго добивались, чтоб для машин сопровождения была возможность подъезжать прямо к вагону для VIP – персон. Тогда, при обсуждении этого закона Кулябко был против. Сейчас он понял, что не осознавал важность вопроса. Как приятно прокатить по платформе и войти в вагон прямо из своего джипа.

Кстати, его голубой Нисан, будет сопровождать поезд до самого Крыма.

Если возможно – он будет ехать напротив депутатских окон... Вдруг потребуется обсудить важный закон, а секретная связь только из джипа.

Это был обычный вагон «СВ» или двухместный мягкий.

Публика должна быть солидная. В таких вагонах электорат не ездит.

Двоих пассажиров он знал... Кроме него с женой – великий актер Душкин, который любезно согласился ехать вместе. И еще внук покойного соседа снизу, Комара... Как его звали-то, старика несчастного?»

И себе, и двоим последним депутат сам заказывал билеты и бронировал места в гостинице... Кулябко замечал, что его жена Оксана как-то сторонится Душкина. Оно и понятно – молодой актер, а уже такой гениальный... Ничего, там, в Крыму надо их поближе познакомиться. Пусть и жена приобщается к высокому искусству. А то все – уборка, наряды, кухня...

Поезд номер семь дернулся и тронулся... Он не был скорым.

Да и ни к чему это. Выехали в обед, а завтра рано утречком – Симферополь. А еще через час голубой джип Нисан с депутатскими номерами, мигалкой и гуделкой – подкатит к Ливадийскому дворцу, к гостинице со странным названием – Стручер.

* * *

У Алексея была уверенность, что он и сам добудет клад, сам все сделает... Но если турнуть Галину прямо сейчас, то Шустрова начнет мстить. Это она умеет! А в результате ни он золота не получит, ни она, а очень может быть, что вообще никто.

Уверенность в собственных силах у маклера усилилась, когда ему удалось достать два отдельных номера в гостинице Стручер. Это был высший пилотаж! Номера уже были записаны за двумя голубыми из высших сфер. Но Баторин решил все за час. Он пригрозил им оглаской – они же не артисты, а члены Верховного суда! Далее – он доплатил им денежку, для поездки в Амстердам, заявив, что там с этим полная лафа.

Билеты на поезд номер семь достать было проще. Правда, места были не царские, но Галину он поселил в купе, а сам поехал в плацкартном вагоне.

И еще – он заранее сговорился с ялтинским салоном по продаже автомобилей. В первый же день у обоих будут машины с местными номерами. Неприметные девятки. У Галины – красненькая, у него – синенькая.

Они старались на вокзале не светиться. И вообще, они договорились, что едут, как люди незнакомые, и Комара не знают, и он их не знает.

* * *

Вере Хохловой не с кем было прощаться. Она совсем не знала, вернется ли в Киев, сюда, в комнатку на Подоле.

Ей казалось, что все, что она делает, называется «Пан или пропал». Или она найдет тот дьявольский клад князя Яблонского, либо взберется на скалу, где Ласточкино гнездо – головой вниз. Моментально в море!

Ее удивила последняя встреча с Артемом. Он даже дал денег намного больше, чем должен был. Дал и не сказал за что... За любовь он никогда не платил!

Первый раз они встретились десять лет назад. Тогда впервые его деду понадобилась сиделка. Не постоянно, а изредка, на момент приступов... Он пришел в больницу, и она была первая попавшаяся медсестра.

Вера согласилась – лишние деньги никому не помешают... Чаше она сидела одна со спящим дедом, но иногда заходил Артем. Они болтали о разных разностях. Он не был ей противен. Даже приятен.

Однажды старому Комару понадобился укол в вену. Не такой сложный, но долгий. Шприц надо держать двумя руками и вводить лекарство две-три минуты... При уколе дед закрыл глаза и Вера почувствовала, как стоящий сзади Артем положил ладонь на ее шею... Пошевелиться она не могла, а его рука спускалась все ниже. Вот она на поясице, вот еще ниже.

Когда она закончила укол, в голове кружилось, и она знала, что сейчас полностью в его власти... Он повел ее в соседнюю комнату, где все и случилось.

Через десять минут он встал, оделся, с улыбкой помахал рукой и ушел ... Ни одного слова! Он даже не удивился, что оказался у нее первым. А не заметить этого было невозможно...

Через неделю все повторилось... Потом еще и еще. Это нельзя было назвать насилием. Артем делал то, что она сама хотела. И он этого хотел... Но это действие превратилось в нечто бездушное, механическое.

За эти годы они говорили друг с другом о разных разностях, но ни слова про любовь, ни разу про это.

Через несколько лет Вера Хохлова поняла, что этот парень вычеркнул из ее жизни любовь как таинство. Он все опошил и навсегда превратил полет души в физическую зарядку... Вероятно, со смертью деда они перестанут встречаться, но ненависть к Артему от этого только усилится. Вере уже много раз хотелось увидеть его мучения. Не убивать его сразу, а придушить, избить, стараясь попасть в самые болезненные места.

Она улыбнулась улыбкой ведьмы средних лет – он думает, что мы расстались навсегда... Как он испугается, узнав, что в гостинице Стручер мы живем в соседних номерах!

* * *

Гале Шустровой очень повезло. В ее купе ехала молчаливая и грустная тридцатипятилетняя женщина. В первый час удалось узнать, что зовут ее Вера Хохлова и что она медсестра.

По секрету проводница рассказала, что купе бронировали из Рады: «Раз никто больше не сел, то до самого Симферополя будете вдвоем ехать...»

Молчаливость соседки была очень полезна для Галины Шустровой. Можно было спокойно поразмышлять... Кто выиграет в этой гонке? Тот, кто выкрадет синюю папку у Комара? Нет, этого мало. Артем мог ее уже скопировать. После кражи он начнет паниковать и делать глупости...

Галину бросило в холодный пот. Она встала и вышла в тамбур... Первая сигарета не успокоила. Вместо следующей – она взяла сразу две. И не соединила их как ружье-двустволку, а разбросала по разным сторонам рта. От этого она стала похожа на вампира с огромными клыками, на концах которых горит огонек.

Мысли доброй Галки Шустровой были тоже вампирские... Для завершения всего мероприятия надо последовательно: украсть синюю папку, убить Артема Комара, тихо найти миллиарды и бежать.

Галина сдвоила сигареты и улыбнулась нормальной улыбкой. Не вампирской... Это не план, а его наметка. В плане должны быть конкретные детали: как украсть, чем убить, на чем вывезти богатство...

Главное – как нейтрализовать Баторина? Или поделиться с ним?.. Оставить ему четверть! Или треть?

* * *

Еще десять-пятнадцать лет назад Оксана Кулябко гордилась своим браком. Он был успешен по всем позициям. Муж пошел в политику, и стали появляться шальные деньги. Огромные деньги.

Далее – статус мужа предусматривал всякие приемы, балы, рауты – а это значит наряды, прически и все такое. Когда тебе тридцать пять-сорок, то покрасоваться ой как приятно.

Евгений Борисович был всего на десять лет старше и мог еще многое... Но так было десять лет назад. Потом жизнь заскрипела, а пять лет назад – как отрезало!

И денег стало меньше, хотя они-то были. И на рауты она перестала ходить. И муж начал отшучиваться, что вся его сила в голову ушла. Снизу вверх!

Поезд приятно покачивался... Оксана возлежала на мягком диване и знала, что ее Русланчик совсем рядом. Он даже ближе, чем муж. Кулябко лежит в метре от нее – через проход. А ее милый Душкин в десяти сантиметрах – в соседнем купе, прямо за стеночкой... Вот от этого в душе Оксаны трепетало сердце, а несбыточные мечтания рождали тревогу и злость на мужа... Больной, а не лечится!

– Ты знаешь, Оксана, шофер мой звонил по мобильнику и докладывал, что кто-то прорывается на мой основной номер.

– Кто?

– Непонятно! Номер не определяется... Этот тип сказал, что будет звонить через час.

– Женечка, ты что, хочешь пересесть в джип?

– Именно, Оксанка. Через двадцать минут я выхожу, сажусь в наш Нисан, обгоняю поезд, и через три часа мы опять вместе... Ты потерпишь?

– Я буду скучать!

После этого известия мадам Кулябко стала дышать глубоко, предвкушая все и продумывая детали...

Угораздил случай поселить в одном купе Душкина и соседа с нижнего этажа... Он не совсем сосед, но детство Артем провел в этой квартире и потом постоянно бывал у деда. Но здесь-то он зачем? Нельзя же при нем вытаскивать Русланчика.

Надо убрать этого Комара. Надо отправить его в вагон-ресторан на два с половиной часа... Артем, конечно, простак, но сопоставит отсутствие мужа и его насильственное питание. Нет, надо его усыпить...

Муж еще не пересел в голубой Нисан, а Оксана вышла в коридор с пачкой швейцарских снотворных таблеток... Ей хватало двух, но она женщина, слабый пол, а Артем – сильный, значит – четыре. Но это если засыпать постепенно, а тут надо сразу и быстро – значит, восемь... А для ровного счета – десять.

Депутатская жена стояла в коридоре вагона «СВ» с пустым стаканчиком в руках и крошила туда таблетку за таблеткой.

Инстинктивно она приближалась к двери, за которой сидел ее душка. Она приближалась всем телом, включая правое ухо, которое нащупало идеальную, по слышимости, щель.

Говорил все больше Комар:

– Это муж у нее – дурак рогатый. Все вокруг видят, а он нет.

– Но мы осторожно.

– Осторожно? Весь дом ваше расписание знает... Но тебе-то она зачем? Грудастая толстозадая старуха. Дура с одной только эмоцией. В одном месте.

– Однако, Артем, ты не прав. В Оксане очень много доброты.

Последнее замечание Русланчика ей понравилось, а вообще хотелось выть от злости... Комар произнес много гадких слов, но это пустяки... Он назвал ее старухой – вот что обидно!

Она выгребла еще пять таблеток и мстительными жестами стала давить их, мять, растирать...

Поезд начал тормозить, и из купе вышел не просто муж, а депутат рады Евгений Кулябко. Он был при значке и вообще – при параде. И говорил он только на украинской мове. Это дома можно говорить естественно, а на людях надо держать фасон.

Голубой джип был виден за окнами и весь поезд смотрел, как избранник страны даже отдохнуть путем не может. Срочные дела отрывают его от жены. Слуга народа!

Поезд после короткой остановки начал разбег, а Оксана заполняла стаканчик коньяком... Тот, который для Комара, был приметный.

Она ворвалась в их купе яркая, как лучик света. Как большой луч, сверкающий во все стороны.

– Привет, ребята, я только сейчас поняла, что через сутки мы будем в море. Мечта!

Оксана ждала реакции, а мужики ждали продолжения. Ведь зачем-то она пришла. Не для того же, чтоб предложить по сто пятьдесят коньяка...

– Я уверена, ребята, что отдых будет великолепный... Я попрошу мужа брать вас на все развлечения. Винные подвалы, яхты, концерты для узкого круга.

– А это что такое?

– Ты еще маленький, Артем, для таких вещей. Это шоу для взрослых.

– Стриприз?

– Еще круче... Короче, ребята, за наш веселый отдых!

Оксана ловким движением наперсточника раздала стаканчики потребителям: себе чай с тремя каплями коньяка, Душкину чистый французский, а Артему нечто армянское и мутноватое от пятнадцати таблеток.

Все выпили залпом!

Оксана вздохнула, удерживая аромат... Русланчик крякнул и изобразил полное удовольствие... Артем поморщился и решил все сказать, что он думает об этом пойле.

Он хотел сказать, но язык начал разбухать, а глаза сделались глупыми и сонными.

– Смотри, Руслан, как его развезло. Слабак! Это ты у меня сильный мужчина... Пусть Артем поспит. Мужа два часа не будет. Пойдем ко мне... Я соскучилась. Я вся горю...

Душкин не очень-то хотел, но отказать не мог... С ее габаритами это будет трудно в узком пространстве купе. За два часа она всю душу вымотает.

Душкин надел на лицо маску шаловливого кота и замурлыкал...

Кулябко ехал на джипе, чуть обгоняя поезд... Перед важным разговором он обычно поднимал стекло, отделяя свой отсек от водителя – незачем ему слышать хозяйские секреты.

Неизвестный позвонил в Нисан точно, как обещал.

– Евгений Кулябко?

– Да... С кем имею честь?

– Моя фамилия Аноним... Сообщаю, что ваша жена уже давно имеет любовника. Вчера ночью его видели на балконе под вашей квартирой.

– Кто он?

– Не догадались? Получите подсказку – Сейчас он едет в соседнем купе... Побрей рога, депутат!

Аноним отключился, и было ясно, что его не вычислить. Профессионал!

А еще Кулябко показалось, что он говорил правду...

Кулябко был политик и поэтому не ревновал. Зная свое физическое состояние, он предполагал, что его жене понадобится игрушка. Но надо было делать все тайно! Совершенно секретно!

По тону анонима было понятно, что он из высших сфер, и что об этом знает не только он один... Надо действовать решительно! На таком вот пустяке, из-за баловства может вся карьера рухнуть... Кулябко всю жизнь считал секс игрушкой, чем-то вроде взаимной щекотки.

Мерзавец по имени Аноним так и не назвал имя того, кого следует наказать... В соседнем купе справа ехали женщины из секретариата Президента. Это не то... Купе слева: Душкин и Комар...

Кулябко знал, что Руслана жена боготворила, но боялась. Он был ей как предмет искусства. Как картина. Как Давид каменный, стоящий где-то в голом виде... Артист не для этих целей.

Но была важнейшая подсказка – его видели на балконе под квартирой Кулябко. А кто там жил? Старик Комар и его племянник... тоже Комар, только Артем. А как он ловко в Ливадию напросился, зачем это? С целью продолжать блуд!

Какие могут быть действия? Жену выпороть, а Артема убрать подальше. Но так, чтоб никаких следов... Сделать, но чужими руками!

Кулябко взглянул на шофера и обреченно вздохнул. Не то!

Поезд подошел к станции, а депутат уже стоял на платформе, скрестив руки за спиной.

Он прошел в свой вагон, но не в свое купе... Депутат заглянул в соседнее. Не распахнул его, а тихо заглянул через щелочку...

На диване лежал он – Артем Комар. Глаза были чуть прикрыты, как будто он закатил их в порыве страсти... Оксана суетилась рядом. Она давила ему на грудь. Она обмахивала его синей папкой... И вдруг рванулась к нему и приникла губами к его губам.

Этого выдержать было невозможно! Кулябко распахнул купе и спросил самое простое:

– Что это, Оксана?

– Я в него вдыхаю... Рот в рот.

– Это я и так вижу... Зачем так?

– Оживляю... Он заснул и отключился. Пульс еле-еле. Двадцать слабеньких ударов в минуту... Дыхание – только от меня.

– Где Душкин?

– Бегает, ищет врача.

– Понятно... Скажи честно, Оксана! Это ты его довела? Невтерпеж? Поди пыталась сверху пристроиться и раздавила? Мне все от Анонима известно!

– Ты о чем, Женечка?

Но Евгений Борисович был на пути к своему купе.

Войдя, он так хлопнул дверью, что Артем Комар свалился в проход. И ему сразу стало легче.

Потом прибежали врачи, медсестра по имени Вера Хохлова, ее соседка Галя... За час откачали парня до нормального вида. Только язык еще долго заплетался...

* * *

Если смотреть с моря, то справа от Ливадийского дворца и выше него расположено множество зданий, которые архитектурно из того же царского времени.

Небольшие дома в едином стиле, сделанные добротно – навсегда... Серый камень, черепичная крыша, дубовые наличники с медной фурнитурой.

Таких домов в районе Ливадии штук тридцать, или сорок, или пятьдесят...

Один из таких домов и есть гостиница Стручер. Ее хозяйка – супруги Ляховы. Фамилия у них была неприятная. Напоминала о поляках. А имена и отчества обоих тоже о чем-то напоминали: она Софья Абрамовна, а он Феликс Маркович.

Все вокруг считали, что самое любопытное в их гостинице – это ее название. Что это за Стручер?

Еще десять лет назад старый ветеран Андрей Дмитриевич Комар выбил это здание для санатория. Он имел ввиду, что здесь будет лечиться фронтовики... Наивный человек!

У него были только бумаги на санаторий, а денег не было... Деньги были у Феликса Ляхова, который по договору с Комаром готов был провести капитальный ремонт здания.

Из договора Комар понял, что за это он не заплатит ни копейки... Подвох был в маленьком пункте – за ремонт здания Ляхов получал дом в аренду на тридцать лет.

Ни Артем, ни его покойный дед не знали, что к этой афере приложил руку депутат Кулябко. Поэтому-то Феликс Маркович и платил долги таким образом – для Кулябко любые номера, в любое время и по льготной цене.

Ляхов имел права на гостиницу, но не мог сменить название, которое придумал Андрей Дмитриевич Комар – санаторий «Стручер».

Странное имя, но догадаться можно... В самом начале сорок пятого здесь в Ливадийском дворце встречались главы побеждающих стран. Они жили рядом, всего в ста метрах от гостиницы. Они, это Сталин, Рузвельт и Черчилль... Вот вам и Стручер... Комар сам придумал. Ветеран!

В глубине души Ляховы имели легкий демократический настрой и не хотели оставлять имя тирана в названии своего отеля. Но юридически без ветерана Комара ничего они не могли изменить, а он после аферы слег с сердечным приступом в своей киевской квартире. И лежал долго-долго...

В какой-то момент Ляховы вдруг поняли прибыльность бренда – Стручер.

Они ввели в оформление элементы того победного года. Флаги, бюсты, привратник в форме старшины с колодкой орденов и медалей.

И заработало! Попасть в Стручер считалось престижным. В номерах появились бархатные скатерти с бахромой, бочковатые графины с одним стаканом и чуть запыленные медные люстры на пять рожков...

Гостиница имела три этажа и всего восемь номеров. Но каких!

На втором этаже пять небольших люксов. Два однокомнатных и три двухкомнатных.

На третьем этаже три люкса на уровне президентских. В каждом – все! Даже в ванной – телефон, фен, и наушники с легкой музыкой. По желанию – джаз.

Две пары молодоженов из Москвы оказались, естественно, на третьем этаже, куда вел свой широкий лифт с диваном и видом на зимний сад.

Третий люкс рядом с ними занимала супружеская чета из Киева по фамилии Кулябко.

Денис очень не любил неожиданностей. Он знал, что в этой небольшой гостинице они будут жить почти месяц... Он также знал, что хозяева предпочитают не распространяться о постояльцах.

Носов в первый же час улучил момент, когда улыбчивая Софья Абрамовна срочно убежала на кухню своего ресторана – книга регистрации осталась открытой. Денис просто переписал фамилии и еще все, что успел.

На втором этаже в двух однушках – Артем Комар из Киева и Вера Васильевна Хохлова. Медсестра из Киева.

В трех двухкомнатных по одному человеку. В номере три – Руслан Душкин, актер. В четвертом – Баторин А.Н. А в пятом – Галина Шустрова... И все – из Киева! Понятно, что Киев – столица, что он есть мать городов русских, но странно. Два номера заняли москвичи и шесть – киевляне... Ни из Харькова, ни из Житомира или Жмеринки...

Первый этаж Стручера – зона общих удовольствий. Это маленький ресторан на десять столиков, сауна с бассейном на десять тел, игровой зал, зимний сад с пальмами... Все исключительно для своих – конфиденциально и кулуарно... Чужие тут не ходят!

В меню ресторана хватало экзотики: горячие колбаски «Сигары Черчилля», фаршированная курица под названием «Лендлиз» и тортик, который смутно напоминал Рейхстаг. Он назывался «Гитлер капут». Перед подачей его обливали коньяком и поджигали...

Балкон Дениса и Ольги выходил прямо на Ливадийский дворец... Весь он не был виден. Часть стены закрывала разлапистая секвойя, привезенная из Америки еще в царские времена...

Ольга вышла на балкон в полночь... Муж заснул, а она очень боялась продолжения того сна, что она видела во дворце над Массандрой... Осень двадцатого года, песенки Вергинского и красные виноградники на закате... Странная история. Странная и страшная!

Ольга боялась, что все кончится плохо. Князь Яблонский ничего не сможет сделать и погибнет... Красные ворвутся и разорят все вокруг... По улицам Крыма полетится кагор, похожий на кровь...

* * *

Яблонский пожалел, что попросил барона дать ему военных курсантов. Нет, эти юнкера уже были обстреляны и ловки в бою, но они были почти дети. Гибель каждого была бы для князя большей трагедией, чем смерть сорокалетнего костромского мужика в серой шинели. Почти сразу Яблонский понял, что ему дали остатки Киевского артиллерийского училища. Ребятам было кому восемнадцать, кому девятнадцать... Особенно запомнился конопатый верзила. Он еще ни разу не брил усы, и рыжий пух над его верхней губой был смешным и трогательным.

Они стояли по шесть человек – распределившись по машинам. У каждого грузовичка стоял шофер в рыжем кожаном шлеме с очками и в куртке такого же цвета. На руках – перчатки с отворотами. На ногах – сапоги со шнуровкой... Вид бравый и это внушало надежду доехать без технических приключений.

Вместе с шофером стояли юнкера в черных шинелях и с трехлинейками. Около каждой машины рядом с последним пятым юнкером стоял пулемет «Максим» и три коробки с лентами.

Яблонский понял, что от него ждут речь, но не нашелся, что сказать, кроме общих фраз, повторяющих задание:

– Сейчас мы поедем в Гурзуф. Там погрузим товар и вернемся назад... День туда, день там и день обратно. Хорошо, если уложимся в три дня... Приключения нам не нужны. Особенно на обратной дороге...

Он специально сказал, что они едут в Гурзуф, а не в Массандру. Это рядом, но не одно и то же... Опять же он сказал о товаре, но не разгласил тайну, что это, по существу – золотой запас остатков белого движения.

Юнкера привыкли, что в конце такой речи их обычно вдохновляют и кричат что-то вроде: «Молодцы, юнкера!» А они на это отвечают троекратным и раскатистым «Ур-р-ра!»

На этот раз полковник говорил, как купец с бурлаками... «Загрузим, привезем и без приключений».

Юнкера промолчали, и тогда князь добавил:

– Я поеду на первой машине. Не отставать! Дистанция не больше тридцати шагов... Задние борта открыть и пулеметы выставить в полной готовности... По машинам! В добрый путь, юнкера!

На всю площадь рядом с Графской пристанью разнеслось звонкое юнкерское «Ура!»... Гордо и троекратно!

До Сапун-горы доехали спокойно. Здесь дорога почти без леса. Опять же близость Севастополя не давала красным бандам свободы маневра.

Обычно это были конные группы по десять-пятнадцать человек. Днем они прятались в лесах, жили в схронах, в пещерах, а иногда и в хатах мирных жителей, которые понимали, что скоро белые уйдут, а красные придут. К ним и надо крестьянину подаваться.

Нападали красные бандиты только на более слабых. Яблонский считал, что на три машины с пулеметами они не полезут. Это им не по зубам.

Но на лесных дорогах и, особенно на серпантине за Байдарским перевалом – партизаны могут завалить пару деревьев и расцечь колонну... Он остановил машины, собрал всех и еще раз предупредил – дистанция минимальная, никто не отрывается. При обстреле всем покидать машины и бить пулеметами без остановки... И из трехлинейек стрелять, но редко и прицельно...

Байдарские ворота – это перевал, с которого начинается спуск на Южный берег Крыма. Высота над морем – чуть меньше километра. А вниз идет лесная дорога, похожая на сплюснутый змеевик от самогонного аппарата – двадцать метров с уклоном влево и поворот, тридцать вправо и поворот...

Сразу после полудня они спустились к морю. В воздухе было около десяти градусов, а вода – семнадцать... Погода не для купания.

У Яблонского был с собой коньяк, при нижних чинах князь не пил никогда... С одной стороны, князь был человеком простым. С другой – напичкан принципами, которые иногда расходились со здравым смыслом и очень мешали жить.

После привала на море они двинулись дальше. Перед ужином добрались до Ливадии... Яблонский удивился запустению.

В Севастополе еще все бурлило. На рейде стояли корабли, готовые сразу вывезти треть города... В районе Бахчисарая работали на огородах... Где-то собирали сладкий красный лук и давили последний виноград. Даже в Ялте на набережной суетились люди. Постоянно приходили турецкие фелюги, пароходики из Болгарии, румынские баркасы. За большие деньги русские купцы и дворяне вывозили остатки своих капиталов.

А здесь, в Ливадии, рядом с царским дворцом была пустота.

Ветер носил обрывки бумаг... Отдельные смельчаки таскали из дворца то, что можно унести и что еще осталось от прошлых набегов – царя-то давно скинули, а толковой охраны никто не наладил. Правители-то были временные.

Яблонский остановил машины на площадке, которую потом прозвали «пяточком».

Рядом был приличный дом, где целы все окна и где дверь приветливо открыта. Ночевать здесь нельзя, но час на ужин он может дать.

Они вошли в здание, имя которому через восемьдесят лет даст сын Яблонского – Андрей Дмитриевич Комар... Знал бы сейчас князь, что они входят в будущую гостиницу «Стручер».

Через час машины проехали Ялту и вкатили во двор винного завода в Массандре.

Когда Дмитрий Николаевич увидел свою Наталью, он сразу все понял. Она решила, что он не вернется, глаза ее потухли.

Он что-то говорил ей, убеждал, пытался рассмешить, показывая как длинный Врангель спрашивал у него совета... Барон почти старик, а ему, князю Яблонскому тридцать три года. Возраст Христа, но рано давать советы Главнокомандующему.

Дмитрию показалось, что глаза Наташи начали разгораться, но вдруг заметались. Как будто плеснули воды на яркие угли... Он понял! Шутливая присказка о возрасте Христа напомнила, что она старше его на семь лет... А где-то в Париже князя ждет жена, которая младше его на семь лет. И она, Анастасия, законная жена, венчанная здесь в Ялтинском соборе. И отдавшая свою невинность здесь, на этой постели.

Наталья Николаевна обернулась на кровать, по четырем углам которой стояли витые деревянные столбы и держали красивый балдахин, делая спальню залом средневекового замка.

Она уже знала, что завтра утром Дмитрий погрузит что-то из подвалов Массандры и уедет к барону Врангелю в Севастополь... Даже если князь постарается вернуться, то это может не получиться. Счет пошел на дни.

Наталья поняла, что сегодняшняя ночь может быть их последней ночью. Последним счастьем в ее жизни.

Она старалась, чтобы он запомнил ее во всей красе. Было великолепно, но в разгар страсти князь вдруг заявил, что завтра утром она поедет в Севастополь.

– Здесь нельзя оставаться, Наташа. Я знаю, что было в Ростове, в Киеве, в Екатеринодаре.

– Когда?

– Тогда, когда они пришли... Их ведет социальная злость. Им надо уничтожить всех богатых, знатных, умных... Ты врач, вдова офицера и жена князя.

– Почти жена!

– Ты права, но для них не будет разницы. Найдутся добрые люди, которые яркими словами опишут наши взаимоотношения... Нам надо бежать! Я ничего не обещаю на будущее, но тебя я не оставлю... Или мы останемся здесь вместе.

– Нет, Дима, я поеду с тобой... Но в любой момент ты можешь меня оставить. Я так говорю, потому, что люблю тебя больше, чем себя.

На следующий день они не загрузили машины и никуда не уехали... Вскрыть банковскую камеру в подвалах Массандры могли только три человека, собравшись вместе. Так устроено – три замка, три ключа у трех чиновников. Яблонский никак не мог запомнить их должности: управляющий, кассир и казначей. Или что-то подобное. Но все время одного из них не было на месте. Кто-то был на винных заводах Голицына в Новом Свете. А это по тем временам далеко – совсем не ближний свет.

Кто-то из чиновников пытался переправить в Стамбул свое семейство. Поскольку у него было шестеро малолетних детей, никто не смел возразить и все ждали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.